

ственное копиисту, чем пишущему по памяти или с голоса, также свидетельствует о том, что перед нами копия с более древней записи.

Диалектические особенности, резко отличающие данный вариант от всех рассмотренных выше, доказывают, что рукопись принадлежит перу псковича и более точно — жителя южной псковщины, граничащей с Белоруссией: а) аканье: *багатырех, саловой, острай, крепкай, царевичав, вспатыкнулса, добрай, ровна, толька, багатырскую*; б) мягкое *т* в 3-м л. ед. и мн. числа: *везеть, говорить, надевають, отвеццаеть, лежить*; в) твердое *р*: *царь, таперь, прамой, багатырь*; г) *в* в окончаниях род. падежа местоимений и прилагательных: *ево, сладкова, булатнова*; д) иканье — *царивича*; е) цоканье — *чаревича, чаревичав*.

Фонетические особенности транскрипции данного текста указывают на средне-великорусский говор с белорусским наслоением (твердое *р*) и на частичное влияние южно-великорусского говора (мягкое *т*, мягкое окончание Владимиря, Владимирю, иканье).

В трудах Московской диалектической комиссии к средне-великорусским говорам с белорусским наслоением относятся „акающие говоры Псковской губернии... и, повидимому, говоры самых северных частей Витебской губ..., примыкающих к Псковской губ.“, причем эти говоры „восходят к старым говорам бывшей Псковской области, стоявшим в родстве со старыми новгородскими говорами. Белорусское влияние проникло в них не позже XIV в.“¹

Некоторые особенности морфологии описываемой рукописи также подтверждают ее псковское происхождение: окончание родительного падежа множественного числа на *ов* и *ев* (по аналогии с основами на *у*): *царев, тропарев, носителей*² (в нашей рукописи „царевичав“).

Для большинства псковских рукописей XV в. характерны пропуски согласных, „особенно часто пропускается *в*, например в слове «возратиться»“³

Публикуемая рукопись как раз дает аналогичный пример: (л. 1 об.) „и возвратилса ко граду Себежу“.

К главным особенностям псковских памятников А. А. Шахматов относит смешение в них букв *я* и *е*, букв *ы* и *и*, букв *е* и *и*, отвердение на письме *р*, но ошибочно видит здесь „искусственные приемы графики, почему-то полюбившиеся псковским книжникам“. Но даже если принять и эту точку зрения, то ею еще раз подтверждается псковское происхождение описываемой рукописи, отражающей все эти особенности.

Книжные обороты „и тако“, „яко“, „аще“, „рече“, „внял“, „отвеццает“, „хощет“ сочетаются с живой народной речью: „Вон де едет наш батюшка“ (л. 2), „ажно подо мною конь вспатыкнулса“, „возглянул во оконце“ (л. 3 об.), „тебе у меня... казна не заперта“ (л. 5), „упал... что овсяной сноп“ (л. 4 об.).

¹ Труды Московской диалектологической комиссии, вып. 5, стр. 36, М., 1915.

² Каринский, ук. соч., стр. 191, 203.

³ Там же, стр. 188.